

г. Москва

ТЕАТР

ВСЕГДА ПО-ВАХТАНГОВСКИ

Вот и дождались конники революции до наших дней. Сейчас откроется занавес, и мы снова увидим их. Может быть, они покажутся поначалу «нестесанными», а слова их слишком вычурными и приподнятыми. Но присмотримся к ним внимательнее: за грубой гимнастеркой бьются добрые, справедливые сердца, а за каждым даже нескладным словом звучит бьющая правда времени.

Да, такие люди стояли у колыбели Советской Родины. Сильна была их вера в победу, их любовь к своей земле, огнем жгла их ненависть к врагу.

«Конармия» у вахтанговцев...

Не ждите от спектакля спокойного, рассудительного рассказа о далеком прошлом. Слово свежий ветер революции врывается на сцену, поднимает нас на гребне высокой волны, уверенно и сильно увлекает за собой.

Как лавина, непобедимая, грозная и справедливая, мчитс конармия вперед. Но в ней не теряется человек. И в каждой сцене то один, то другой становится героем, а тогда именно его — Константина Гулевого — М. Ульянова, Афанасия Хлебникова — Ю. Яковлева, Марию — Ю. Борисову, Вятягаичево — Н. Гриценко — театр как бы приближает к нам, дает возможность встать рядом, присмотреться, прислушаться к их жизни, к их радости и страданию, к их мечтам о будущем.

За кем оно, будущее? Разве история уже не ответила на этот вопрос? Но такова сила настоящего искусства. Рвутся временные преграды. Мы, уже живущие в нашем «сегодня», снова боремся за него вместе с героями «Конармии», снова переживаем хмель победы, оплакиваем павших.

Так же, как рассказы И. Бабеля, взятые за драматургическую основу, отдельные сцены не связаны единым сюжетом. Но поставлены они Р. Симоновым и сыграны актерами на одном дыхании, спаяны логикой поступков и мыслей героев, силой и красотой их идеи.

Воины революции были молоды, они любили жизнь, веселую шутку, озорное слово, и театр не скупится, рассказывает о них с вахтанговской яркостью, молодостью, задором.

...Жизнь и смерть шли тогда рядом. Поэтому скорбно начало спектакля. Высокой трагической нотой звучит его финал.

Но это оптимистическая трагедия. Никто не отнимет у будущего Левку Козина, доверчиво вернувшегося за гармошкой и нашедшего смерть от белогвардейской пули. Никто и никогда не забудет надыва Гулевого, сложившего голову в бою. Их возьмут в свои стремительные рейды красные конники, они войдут с ними в историю революции и страны, вечно живыми дождатся в нашу сегодняшнюю жизнь.

С высоких гражданских позиций выступил вахтанговский театр в «Конармии». Героическая поэзия о человеке и во имя человека завершила сезон. Но оглянемся назад. Случаен ли успех художников или это своеобразный творческий итог поисков, стремления говорить со зрителем о самом важном?

Как должен жить человек? В чем смысл его пребывания на земле? Разговор этот так или иначе ведут и другие герои: в «Западном» Э. Золя и даже в старой, как мир, сказке «Золушка» с Е. Райкиной в главной роли.

Всю жизнь стремится Жерве — Л. Пашкова к счастью, но так и не находит его. Безжалостно топчет суровая реальность ее любовь к людям, убивает ее доброту, делает все, чтобы поселить вместо них ненависть. И страшно становится за человека, попавшего в западню такого мира.

В сценах, поставленных Е. Симоновым и сыгранных «по-вахтанговски», без ненужной экономии образовательных средств, но и без неоправданной расточительности, «Западная» поднимается на подлинно художественную высоту. Не забудешь потрясающий — как прощание с жизнью — стон Жерве над разбившимся мужем. Или ее последние минуты с безнадеем «послушайте, мосье»... И отчаянным «помогите!».

Правда, иногда режиссер забывает о драгоценном чувстве меры:

с излишней подробностью изображает драку женщины в причетной или пиришество в честь дня рождения Жерве, со вкусом показывает канкан, дабы в дурных наклонностях Нана не осталось уже никакого сомнения.

Верный по своему социальному звучанию, интересный актерски спектакль порой слишком много словен. Поэтому и уносишь впечатление некоторой «перегруженности». Зато и Жерве — Пашкову, живую, жаждущую счастья и гармонии, с ее протестом против бесчеловечности, тоже уносишь с собой.

Бывает, что какое-то превращение искусства кажется непреодолимым. Так случилось с мхатовским «Милым лжецом». Но вот вахтанговцы поставили «Насмешливое мое счастье», где в основу также положены письма реально существовавших людей. И сумели найти свое, новое, особенное. Патрикс Кемпбелл и Вернарда Шоу в «Милым лжеце» как бы разделяют на сцене невинную черту. В «Насмешливом счастье» режиссер предоставляет исполнителю полную свободу передвижения, дает возможность с глазу на глаз общаться с тем, кому адресовано письмо. И это рождает особое, тоже в чем-то неповторимое настроение.

Чеховские письма вообще очень похожи на чеховские рассказы. Они и серьезные и грустные, полны милых, только «своих» слов, особого «своего» юмора, где почти всегда больше грусти, чем для юмора полагается. И пока не дослушаешь фразу до конца, не узнаешь: засмеяться тебе или заплакать.

Вот эту их особенность очень верно передал Ю. Яковлев. Как и то главное, что отличало Чехова в жизни, — необычайную правдивость и бескорыстность. Солгать в простом житейском смысле слова для него так же немисливо, как поступиться самым малым из своих убеждений.

Не сентиментальный роман в письмах, а большую душевную трагедию раскрывает театр за строчками переписки писателя с Ликой Мизяковой. У Чехова того времени уже есть призвание — литература, но его не может удовлетворить место, уготованное художнику в царской России. За мягкостью, «деликатностью» умного, глубоко интеллигентного человека Ю. Яковлев отчетливо видит сложный внутренний мир писателя, общественного деятеля, взволнованного и озабоченного судьбами народа, страны.

Ищет свое место в жизни и Лика. Она не хочет мириться с ролью «вдохновительницы». Ей самой нужно стать творческой личностью, стать человеком. И если представление по-настоящему этнично, этим прежде всего оно охвачено Ю. Борисовой. Актриса понимает: многое из судьбы ее героини перейдет с кончика чеховского пера в пьесу под названием «Чайка». Лика — Ю. Борисова и на сцене появляется так же, как вошла в жизнь Чехова — как что-то очень земное, но недостижимое, неустойчивое и дорывистое, готовое исчезнуть от одного неосторожно сказанного слова.

По ходу действия Чехов высказывает глубокие советы о постановке своих пьес, о решении отдельных ролей, той или иной фразы. И так убедительно учит нести на подмостки подлинную правду, где-то там, за кулисами, оставлять ложную театральность, поверхность, внешние приемы, что и к актерам «Насмешливого счастья» невольно подходишь с высокой чеховской мерой. И тогда ждешь такую Книппер, какая могла бы стать Машей из «Трех сестер», а не бледную ее копию, хочешь видеть другого Горького, пусть внешне непохожего, как и сейчас, зато убедительного по существу.

Когда говорят «вахтанговцы», подразумевается не просто принадлежность любимому эдакому на Арбате Вахтангову — это люди, исповедующие в искусстве высокие гражданственные идеалы. Они понимают театр как трибуну, с которой должно звучать правдивое, сильное, вдохновляющее слово. Но при этом не забывают: тем сильнее слово, чем ярче и многообразнее театральные средства его выражения.

М. САБЛИНА.